

УДК 81'276.2 + 81'42

М. Р. Шумарина

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МИФ
В ОТРАЖЕНИИ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ
(На материале мифа о русском мате)**

Рассматривается миф о русском мате на материале фольклорных и художественных текстов. Обыденное сознание оперирует многочисленными мифами, среди которых важное место занимают мифы о языке. Произведения фольклора и художественной литературы не только отражают лингвистические мифы, но и способствуют их развитию и распространению.

Ключевые слова: обыденное метаязыковое сознание; лингвистический миф; обценная лексика.

Одним из факторов, определяющих развитие языка, является общественное мнение, формирование которого определяется не только (и не столько) достижениями лингвистической науки, а в наибольшей мере воззрениями рядовых носителей языка. Обыденные представления о языке выступают как активная сила, выполняя роль либо помехи, либо катализатора в осуществлении повседневной коммуникативной деятельности, а также языковой политики. Исследователи обращали внимание на «перспективность лингвокультурологического анализа метаязыковых высказываний» и на «возможность их интерпретации в качестве социокультурных маркеров языковых и когнитивных процессов» [см., в частности: Вепрева, 5]. Поэтому науку интересуют представления рядовых говорящих о фактах языка и речи, составляющие специфическую область обыденного знания — естественную, или наивную, лингвистику (*folk linguistics*). Ценность произведений фольклора и литературы для изучения коллективного метаязыкового сознания определяется тем обстоятельством, что в них отражаются как традиционные ценности этноса, так и актуальные идеи современности.

Метаязыковое сознание рядового говорящего отличается высокой степенью мифологичности. Под мифом в данной статье понимается обыденное представление о предмете, характеризующееся рядом признаков. Это представление, как правило, прежде всего является упрощенным и схематизированным, поскольку основано не на детальном и всестороннем анализе явления, а на опыте восприятия его внешней стороны (на освоении результатов коллективного опыта) и на абсолютизации отдельных аспектов этого явления. Вторая особенность мифологического представления состоит в том, что оно не нуждается в логическом обосновании и не стремится к научной достоверности (в качестве варианта в ряде случаев принимаются наукообразные аргументы, для мифа важна не правда, а правдоподобие с точки зрения обыденного сознания). Вследствие этого миф в определенном смысле — это искажение реальности, однако он отличается от обычной, бытовой выдумки тем, что имеет определенные культурные последствия: влияет на общественное сознание и общественное

поведение, отражается в коллективном (фольклорном) и индивидуальном творчестве. Наконец, для мифа обязательна *прецедентность*: миф более или менее широко известен в социуме, поддерживается его членами, цитируется, передается как факт.

Обыденное метаязыковое сознание включает в себя целый ряд мифов, касающихся различных аспектов существования, функционирования, изучения языка. Лингвистический миф, являясь совокупностью обыденных представлений об языковом объекте, состоит из ряда *частных мифологем*, которые можно представить в виде отдельных суждений (эксплицитных или присутствующих в текстах в виде импликаций). Эти суждения далеко не всегда основаны на вымысле, но они всегда представляют собой некое упрощение реального положения дел, абсолютизацию одного из свойств объекта. В этом смысле понятие мифологемы пересекается с понятием *стереотипа*.

Сформулированные положения можно иллюстрировать *мифом о русском мате*, одним из наиболее популярных мифов в российском общественном сознании [см.: Рут]). Черты этого мифа изучались на материале произведений современного фольклора (анекдоты) и отечественной художественной литературы XIX — начала XXI в. Материалом для непосредственного наблюдения послужили *рефлексы*, содержащие комментарии к обценной лексике или фактам ее употребления в речи и поддерживающие или опровергающие мифологемы о мате. Под рефлексивами понимаются не только комментарии к словам и выражениям [см.: Вепрева, 76], но и любые суждения о фактах языка и речи. При этом учитываются как четко сформулированные положения, так и случаи «нерефлектирующей рефлексии» (термин Н. Д. Арутюновой), когда содержание мифа проявляется в особенностях употребления тех или иных единиц.

Современные авторы отмечают высокую *активность обценной лексики*:

Я все думал, какого черта российские люди так уснащают свои устные (а Шура говорил, что сейчас и письменные) рассказы таким количеством ругательств, что иногда на слуху остается один мат, в котором исчезают и сюжет, и идея повествования. А многие общественные или политические деятели даже с трибун матерятся (В. Кунин).

Свидетельством рефлексии, направленной на обценизмы, является активность соответствующих метаязыковых терминов. Интересно, что сами метаоператоры *мат* и *матерный* появились в русской литературе (имеются в виду произведения, публиковавшиеся в «открытой» печати) только в начале XX в. Ранее грубая брань обозначалась при помощи описательных наименований:

Большая часть лиц, которые встретятся в нашем очерке, будут носить те клички, которыми нарекли их в товариществе... но этого не можем сделать с Семеновым: бурсаки дали ему *прозвище* (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — М. Ш.), какого не пропустит никакая цензура, — *крайне неприличное* (Н. Помяловский).

Для обозначения нецензурной брани использовались и иные обозначения, выполняющие в этих случаях функции эвфемизмов:

...Адмирал и осатанел, да и ругнул, знаете ли, его по-русски... А Иванов, хоть и штурман-с, маленький человечек, а все-таки... ответил ему на том же русском диалекте-с... (К. Станюкович).

По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), которые демонстрируют с достаточной степенью достоверности динамику языковых процессов, слово *мат* в литературе XIX в. встречается только в составе устойчивого выражения *благим матом*, которое собственно мата не означает:

В темноте народ бегал, ахал, бранился скверными словами; татарки ревели; какой-то купец вопил благим матом: — Голубчики! Православные! Отпустите душу на покаяние! (П. Боборыкин) [НКРЯ].

Слова *матерный* и *по-матерному* впервые зафиксированы Национальным корпусом в произведениях 1905 г.:

Он обходил взводы... и время от времени ругался матерными словами... (А. Куприн) [НКРЯ]; Сам Александр Ольденбургский, принц, прибыл. ... величественный старец! По-матерному ругается — так ядрено, завидки берут. Ку-да нашим! (С. Мстиславский) [НКРЯ].

Слово *мат* НКРЯ отмечает в художественной литературе с 1923 г. (произведения Д. Фурманова, П. Романова, А. Серафимовича). Ср.:

Рассказывали, что в 1918 году он [Чапаев] плеткой колотил одно довольно «высокопоставленное» лицо, другому — отвечал матом по телеграфу... (Д. Фурманов) [НКРЯ].

Очевидно, что активизация соответствующих метаязыковых терминов в художественном тексте связана и с формированием новых принципов описания действительности, и с особенностями коммуникативных практик нового исторического периода.

В конце XX в. в литературных произведениях лексемы, квалифицирующие сквернословие, замещаются непосредственно обсценизмами — описание уступает место изображению. Ср., например, фрагменты тестов 1978 (1) и 2001 (2) гг.:

1) Особенно ему понравилась история артельной стряпухи — баронессы Серафимы Барк... Однажды при нем она рыбацким матом пугнула здоровенного верзилу — пришел за водкой — и тут же повернулась к отцу Андрею и объяснила по-французски: «Это ужасно, как приходится обращаться с этим народом, но, увы (*helas, helas*), иного языка он просто не в состоянии понять. Теперь он понял, что это решительный отказ, повернется и уйдет». И действительно верзила ушел (Ю. Домбровский);

2) ...Ужасное слово из пяти букв, которое до конца своей жизни она ни разу не произнесла вслух. Слово это представлялось ей противно-коричневым, с бездонным провалом посередине и похожим на вывернутую наизнанку клизму (Л. Улицкая).

Ср. также многочисленные тексты, в которых непосредственно воспроизводятся обцензизмы.

Меняет характер и авторская рефлексия о бранных словах: если до последнего десятилетия XX в. это была, как правило, речевая рефлексия (оценивалось использование обцензизмов в речи), то на рубеже веков учащаются случаи собственно языковой рефлексии (комментируются отдельные обцензизмы как единицы языка). Ср.:

...«Материальные слова» выстроились, как по ранжиру, и аж дрожат от нетерпения. Первый среди всех этот с завитушкой на головке, трехбуквенный забойщик, рядом его дама — толстопятая арка для проезда туда и обратно, с сырыми стенками, потом это слово-действие, меняющееся каждую секунду. Ну, очень выживающее-побудительное слово (*Г. Щербакова*).

В целом же рефлексивы о бранной лексике становятся в литературе конца XX в. более частотными.

Носители языка квалифицируют «выход из подполья» матерной брани как один из признаков общего одичания: «...В Москве очень грязно, Москва одичала, непесенная стала, корявая, матерная» (*Н. Садур*). Отмечается популярность обцензизмов у носителей литературного языка:

Несмотря на всю свою интеллигентность, Шура пользуется матом достаточно часто и свободно. Хотя у него прекрасный словарный запас и без этого. Но я заметил, что в так называемой интеллектуальной среде мат считается неким шиком! Дескать, вот такая у меня речевая палитра. Могу так, а могу и эдак! (*В. Кушин*).

В этих условиях продолжает активно функционировать и развиваться миф о русском мате. В формировании мифа о русской брани ведущую роль сыграл городской анекдот, постоянным «персонажем» которого выступают обцензизмы. Главные мотивы этого мифа (мифологемы) характеризуются высокой степенью повторяемости, о чем свидетельствует анализ многочисленных интернет-сайтов, форумов, блогов, в которых воспроизводятся актуальные анекдоты. Перечислим основные мифологемы, стереотипные представления о сквернословии, характерные для русского метаязыкового сознания и воплотившиеся в анекдотах.

- Россияне ругаются матом необычайно интенсивно, независимо от возраста и социального статуса:

Решило правительство за мат штрафовать всех. Придумали часы такие: слово матом сказал кто-нибудь — стрелки передвигаются на одну секунду. Повесили везде, через час приезжают проверять. Зашли в детский сад, а там уже стрелки на три часа передвинулись. Ах, вы такие-сякие! Зашли на завод, а там уже на шесть часов вперед ушло. Ну, всех оштрафовать! Приходят в милицию, а там сидят менты, довольные, говорят: «Ну, ребята, классный вы нам вентилятор привезли. На улице жара, а у нас ветер так и гуляет!».

- Мат является необходимым и наиболее удобным средством общения, так как обладает особой выразительностью; поэтому существуют тексты, которые нельзя пересказать, избегая бранной лексики:

К Чубайсу брат приезжает и говорит: «Слушай, сколько про тебя народ анекдотов рассказывает!» — «Ну расскажи хоть один». — «Да ну, там есть матом». — «А ты вместо мата «тра-ля-ля» вставляй». — «Ну ладно, слушай: тра-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля Чубайс».

Ср. также многочисленные анекдоты, в которых повторяется один и тот же сюжетный ход: «культурный» персонаж, порицающий сквернословие, высказывает угрозу в адрес ругающихся или порицает их при помощи все той же бранной лексики.

- Нецензурная лексика обладает большими семантическими и словообразовательными возможностями, поэтому можно передать любое сообщение, пользуясь только обценизмами. Так, существует несколько вариантов анекдота, в котором некто при помощи исключительно бранных слов и их дериватов (как правило, все дериваты одного корня) передает целое сообщение.

- Русский мат — уникальное явление, характерное только для русской лингвокультуры и не имеющее аналогов в других языках. Поэтому иностранцу невозможно понять истинного смысла бранных выражений; представители иных культур, как правило, воспринимают буквально-этимологический смысл обцененной речи и приходят в замешательство. Ср. перевод, сделанный для американцев в одном из анекдотов:

Мастер говорит рабочему, что он вступил в интимные отношения с его матерью и что рабочий — гулящая женщина, даже эту шестеренку не может сделать. Поэтому рабочему вместо зарплаты вручат половой орган. А рабочий отвечает, что он вступил в интимные отношения с матерью мастера, с зарплатой и со всеми шестеренками на заводе.

- Русская бранная лексика известна всем в мире, по ней узнают русских:

Заблудилась американская подводная лодка. Всплывают возле какого-то побережья. Капитан говорит штурману: «Пойди узнай где мы находимся». Штурман выходит на берег и видит загорающую девушку, подходит к ней: «Ай эм сори...». — «Да пошел ты...». — «Сэр, мы в России!»

- Мат не только общеизвестен, но и общепонятен; охотно используется говорящими; у всякого говорящего ассоциации с бранной лексикой приоритетны. Данная мифологема часто выступает как презумпция, на которой основаны анекдоты, связанные с конкретными обценизмами, но не воспроизводящие эти единицы, а лишь намекающие на них. Ср.:

Собрались ученые на конгресс. Один докладывает: «Петр Первый со своим войском остановился в одном селе на ночь. Ночью не спится ему, вышел и видит — часовой спит на посту. Он разорался, велел часового схватить и отдать под трибунал. Утром собрался трибунал, секретарь спрашивает Петра, какую казнь придумать солдату. А у Петра настроение хорошее, он и говорит: «Оставь его!» С тех пор село называется Астафьево». Тут голос из зала: «И у нас в Сибири был такой случай. Только у Петра было плохое настроение, и село теперь называется Ипатьево!»

- Мат обладает практической ценностью, так как помогает снять напряжение, а также сосредоточиться; бранное сопровождение необходимо для успешного осуществления какой-либо деятельности. Ср. сюжет о русской технической смекалке (впечатления иностранных специалистов): «Пришли двое русских и при помощи кувалды, зубила и какой-то матери сами все собрали и запустили».

Либерализация современной речесферы приводит не только к «легализации» грубой брани, но и стимулирует рефлексию говорящих о подобной лексике. В произведениях литературы конца XX — начала XXI в. продолжает поддерживаться и получает своеобразное развитие весь комплекс мифологем, касающихся самобытности русского мата. Было бы неверно считать, что стереотипы, связанные с оценкой обцензурных, «открыты» современными авторами. Большинство соответствующих мотивов встречается и в литературе более ранних периодов, однако бесспорно, что рефлексии о мате в последние два десятилетия приобрели большую частотность.

Перечислим основные составляющие мифа о мате, которые выявляются в текстах русской литературы.

- Мат — это особый язык, коммуникативно равноправный с «основным» русским языком:

Русский человек должен говорить на двух языках: на языке русском — языке Пушкина — и по-матерному (А. Ремизов); ...Наш народ... матом не ругается, он на нем разговаривает. Это язык межнационального общения, в который иногда... вставляется два-три приличных слова (А. Хайт).

Мат может полностью «замещать» обычный язык, поскольку обладает достаточными возможностями выражения любых смыслов (ср. с аналогичными сюжетами анекдотов):

Хоть и редко, но случалось все-таки, что Богодул разговаривался со старухами — правда, и тогда курва на курве сидела и курвой погоняла, но все же это был связный, понятный рассказ, который можно было слушать и постороннему человеку. Старухи Богодула любили (В. Распутин).

Как и любой язык, для некоторых носителей мат может являться единственным коммуникативным средством, поэтому и носитель литературного языка должен уметь выражать свою мысль при помощи нецензурных выражений:

...Я с этим гадом в диспетчерском управлении два часа битых исключительно матерно объяснялся. Другого языка не понимает, кроме матерного (В. Катаев).

Как особый язык, мат обладает не только собственным словарным составом, но и паралингвистическими характеристиками: «А вот и Варин голосок... Слов не понять, только можно разобрать, что произношение матерное» (Б. Шергин).

• Мат является общеупотребительным коммуникативным средством, которым пользуются абсолютно все россияне. Мат — это язык «народного единства»:

...Русский язык — понятие очень широкое. Ведь у разных групп населения всегда был свой жаргон, свой особый язык: у музыкантов, у военных, у молодежи, у блатных. Но все же есть один язык, который близок и любим всеми, от простонародья до интеллигенции. Я имею в виду матерный (А. Хайт).

У каждого русского человека обценнизмы всегда актуализированы в сознании и автоматически выступают как ассоциативные реакции на подходящий стимул. Подобные ассоциации настолько нормативны, что практически всегда можно предвидеть соответствующие реакции:

...Просто неловко вспомнить, как по приезде в Иерусалим я отказалась от прекрасной съемной квартиры... только по одной причине: дом... стоял на улице Писга. Я представила себе, как сообщаю свой адрес московским друзьям и как, посылая письма, они выводят на конверте: Pisga-street... (Между прочим, «писга» означает «вершина») (Д. Рубина).

Образованные люди пользуются обценнизмами не от бедности словаря, а с определенными «имиджевыми» целями. Так, нецензурные выражения оцениваются как проявление демократичности:

Ты матерись, чтобы подчеркнуть свое равенство со мной. Так всякие народники в прошлом веке делали, чтобы показать свою близость к народу (Э. Володарский); ...Многие общественные или политические деятели даже с трибун матерятся. Чтобы быть, так сказать, «ближе к народу» (В. Кунин).

• Употребление мата должно иметь гендерные ограничения. Так, вполне органичной (и даже обязательной) выглядит брань в устах мужчины: «Когда выводили нас на работу, конвойные удивлялись: все мужики, а мата нет» (И. Грекова). Грубые слова придают мужчине шарм, очарование брутальности:

...Долинин выругался таким усложненным многоэтажным матом, что Жанна неожиданно для себя расхохоталась и бросилась в объятия к своему озверевшему любовнику. — Вот таким я тебя люблю! А ну еще раз заверни по матушке и по батюшке! (Ю. Азаров).

Женский мат признается противоестественным, поскольку женщинам свойственны иные эмоциональные реакции:

Я подчиненных, будучи редактором газеты, довожу до слез (девушек-корреспонденток) и до нервного мата (юношей-корреспондентов) (Е. Белкина).

Брань в устах женщины вызывает резко отрицательную оценку со стороны как мужчин, так и женщин:

Это плохо, что ты матом ругаешься. Девочкам матом ругаться нельзя (*О. Павлов*) [НКРЯ]. Самый подлый, самый нестерпимый мат — женский... (*Л. Улицкая*).

- В целом мат воспринимается как естественное средство коммуникации, рождающееся непосредственно из природной потребности человека. Брань позволяет снять напряжение, облегчить душу:

Андрей... выскочил на дорогу с облегчающим душу матом... (*П. Проскурин*) [НКРЯ]; Это экспрессия... Очень помогает. Знаешь, как хорошо ругаться матом? Лучше ауто-тренинга. Выразишься — и легкий! (*Г. Шербакова*).

Мат — это уникальное средство выражения эмоций говорящего, отчего он не только органичен, но и необходим:

Конечно, совсем без мата у нас нельзя. Кто ж кого тогда поймет? Конечно, он нужен. Иначе как реагировать на погоду, на преобразования в стране, вообще на все, что творится? (*А. Трушкин*).

В силу «природности» и органичности мата проще и естественнее говорить с использованием бранной лексики; отказ от нее требует дополнительных коммуникативных усилий, делает речь более искусственной, затрудняет процесс речепорождения:

Вот вы замечали, что когда выступают наши руководители, у них всегда такие большие паузы между предложениями. А почему? Потому что они мысленно высыпают из речи все матерные слова, которые хотели бы сказать. Отсюда и паузы такие (*А. Хайт*).

- Мат является универсальным и полифункциональным коммуникативным средством, при помощи которого можно выразить разнообразные смыслы — как предметные, так и модальные. Так, языком брани можно обозначить диктумный компонент высказывания:

...Он, крича по-матерному, чтоб давали дорогу, тряско бежал через все депо... (*В. Чивилихин*); Мужик оживился на корме, матерно выразился, что должно было означать «Приехали!» (*Г. Николаев*); У меня тогда мелькнула мысль сказать им что-нибудь дружелюбно-матерное... что-нибудь такое международно-притонное, в котором было бы всего понемногу — и моей вроде бы блатной матросской удали («не на того, мол, нарвались, салажата»), и достаточной дозы панибратства («все мы немного подонки и поэтому равны»), и готовности добродушно расстаться тут же («все-го, мол, хорошего») (*К. Воробьев*).

При помощи мата выражается богатейший спектр модальных значений:

Тут раздался звук удара во что-то мягкое и одобрительная матерная разногласица... (*В. Пелевин*); Разбудила их Кувалда, матерно горевавшая о загубленных розах (*Ю. Буйда*); ...Парочка в мгновение ока очутилась на середине водоема, где принялась скверно и грязно браниться. Длинный свирепствовал, а маленький лишь что-то хныкал в ответ, но тоже матом (*Е. Попов*); и т. п.

• Мат далеко не всегда есть выражение грубости. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания о неинвективном употреблении бранных слов:

...Я изредка матерился, когда в темноте терял протоптанную тропинку и проваливался в сугроб. Но мат этот был скорее попыткой звукового оформления деревенского колорита, чем проявлением недовольства, потому что чувствовал я себя счастливым (Б. Левин).

Брань может быть и проявлением теплых, дружеских чувств:

Они целуются долго и смачно, сдабривая поцелуй теплым матерным словом и кряком, каким только крякают мясники, опуская топор в кровавую бычью тушу... (А. Мариенгоф); Новая семья сильно русифицировала меня. ...Стал пользоваться матом не только для ругани, но и для дружеского общения (Ю. Нагибин).

Вообще мат — обычный атрибут русской сердечности:

...Мат — не воплями через весь двор, а просто в голос, в сердечном русском разговоре. Потому и милиция нарушений не видит, дружелюбно улыбается подрастающей смене (А. Солженицын); Меж солдатами и зеками дошло до похлопыванья друг друга по спине, по шее. До снисходительного, порусски обмена матерными словами (В. Маканин).

• Существуют особые коммуникативные сферы, где мат необходим и обычен. Так, мат устойчиво ассоциируется:

1) с некоторыми типичными ситуациями (пьянство, диалоги в общественном транспорте, празднование, интенсивный труд и т. д.):

Спиртом от него так разит, что с души воротит. Небось чистым матом закусывал? (В. Конецкий); Где ругань, мат, где знаменитое «Куда лезешь, вагон резиновый. Не нравится — бери такси»? (В. Некрасов); Бывало, праздник подойдет — водки нет. И ходят все, ровно потеряли что. Матерного слова, бывало, за все святки не услышишь. (П. Романов); Со временем... сплавные «гиганты»... оскорбят... пустынные пространства трудовым, «ударным» матом. (В. Астафьев);

2) с определенной социальной средой (жители деревни, обитатели рабочих бараков, заключенные и др.):

...В деревне почти все они... вели себя тише сломанной сенокосилки «Вихрь» и ниже местной речушки Вагайка, и даже генетическим матом ругались вполголоса (А. Логинов); ...Барак имеет свой дух... Живет в этом духе и мат. Он там нормален, как нормальна в воде рыба. (Г. Щербакова); Крик, мат (лагерный мат, то есть что-то совершенно особое), летят раскаленные кольца, пышет сухим жаром (Ю. Домбровский);

3) с некоторыми локусами, где неизбежны неприличные надписи:

Никита... дошел уже до огромной матерной надписи на стене панельного Дворца бракосочетаний (В. Пелевин); Он втискивается в лифт, и в который раз матерное слово... выпрыгивает перед ним (И. Полянская); и т. п.

Ср. также подробное воспроизведение граффити в общественном туалете в романе В. Платовой «Ужасные невинные»;

4) с отдельными профессиями и видами занятий:

...На покушения отобрать гармонь отвечал солдатским зычным матом... (А. Славовский); Вукол выругался ужасающим диггерским матом... (В. Черкасов); ...По дороге он из конца в конец улицы погонял деревенских мужиков, ... сотрясая округу жутчайшим старшинским матом (М. Веллер).

Регулярно отмечается непременно использование бранных слов руководителями всех рангов:

Требуют — все для фронта, все для победы. Приедут — матом кроют. По телефону звонят — матом. И Борисов матом, и Ревкин матом. А из обкома позвонят, тоже слова без мата сказать не могут (В. Войнович); ...Такой умный человек, как вице-губернатор Салтыков, заметил, что первым словом опытного русского администратора во всех случаях должно быть слово матерное (В. Конецкий).

• Мат — отнюдь не примитивное средство общения и требует мастерства, которое вызывает уважение и восхищение (в отличие от «простой» ругани):

Должен вам с сожалением заметить... — сказал он, — что то, что мне привелось услышать, звучит некрасиво. И, пожалуй, грязно. А грязь, в каком бы виде она ни была извлечена наружу, физическом или словесном, обычно вызывает отвращение... В частности, мат, которым вы пользуетесь в своей речи, ... является неотъемлемой частью русского языка, обогащая его образностью и делая более красочным и емким. Но употреблять его следует умело и с изящностью. Ну, скажем, вот так. — Он задумался на мгновение, многозначительно поднял палец... и произнес монолог, изобилующий выражениями, которыми я так бездумно перемежал свою речь, ни разу не повторившись и связав их в единое целое витиеватым сюжетом (Б. Левин).

Одной из постоянных характеристик такого «умелого» использования мата является виртуозность:

...Ругался матерными словами с той особенной молодецкой виртуозностью, которая в этих случаях присуща старым фронтовым служакам (А. Куприн).

Виртуозность связана с умением создавать скопление, нагромождение обсценизов, что обозначается при помощи разнообразных эпитетов:

...Трехэтажный мат разносится сейчас в салоне... автомобиля... (М. Милованов); Весь этот монолог, как ягоды листочками в корзине, был пересыпан отборнейшим, великолепным многоступенчатым матом... (Д. Рубина).

• Мат — уникальное явление русской культуры. Данная мифологема реализуется в суждениях о превосходстве русской брани над любыми иностранными «аналогами»:

...Академик Крылов — необыкновенный знаток русской обценной лексики (он считал, что подобные выражения у матросов английского торгового флота знаме-

ниты краткостью, но у русских моряков превосходят их выразительностью) (А. Чудаков).

Мат воплотил в себе своеобразие национальной культуры и менталитета, он тесно связан с русским национальным характером:

...Главным и самым массовым жанром сделался анекдот. В коротких матерных притчах как нельзя точнее отразился национальный русский характер (В. Мясников).

Мат — как национальное достояние — заслуживает уважительного отношения. Так, Алексей Алексеич, герой одноименного рассказа И. Бунина, употребил в обществе грубое слово, а на замечание собеседницы отвечает:

Ведь это же прекрасное старинное русское слово, коим наши отцы и деды не токмо в самом высшем свете, но даже и при дворе не гнушались. ...Ведь это слово у самого протопопа Аввакума в его житии пишется, а уж на что сурьезный был мужик этот протопоп.

Достаточно часто высказывается идея об иноязычном происхождении обценной лексики, но и в этом случае признается его важная роль в русской речи:

...Мат... достался нам в наследство от трехсотлетнего пребывания под татарским игмом и является неотъемлемой частью русского языка, обогащая его образностью и делая более красочным и емким (Б. Левин).

Наконец, мат — это предмет экспорта, то, чем россияне обогащают иные культуры:

Благодаря длительному пребыванию здесь они [русские моряки] не могли не оказать своего влияния на туземцев: развратили их женщин, научили население, до детей включительно, ругаться по-русски матерно (А. Новиков-Прибой); Кричал он по-ингушски или по-чеченски, но половину слов легко бы понял любой житель бывшего Советского Союза. Русский мат давно стал общим достоянием (В. Мясников).

• В целом русские относятся к мату положительно. Эта мифологема поддерживается всеми другими мифологемами, общий пафос которых — одобрение, восхищение, гордость. Рефлексии о брани в произведениях художественной литературы зачастую окрашены в тона юмора, добродушной иронии. Ср. рассказ К. Станюковича «Смотр», в котором «морским терминам» (так иносказательно называют мат персонажи) отводится центральная, сюжетообразующая роль, а симпатии автора и читателей — на стороне моряков, которые лихо пользуются соленым словцом.

Умелое использование мата — одно из характерных проявлений талантности человека:

...Шура Плоткин. У него матерные выражения всегда остроумны и составляют ироничную основу почти любой фразы. Или точно выражают всю степень его неудовольствия и раздражения по поводу того или иного явления. У Шуры мат столь органичен, так прекрасно вплетается в слова,

исполненные глубокого и тонкого смысла, что иногда даже не замечаешь, был в этой Шуриной фразе мат или нет! Но Шура — человек талантливый (В. Кунин).

При этом важно отметить, что для метаязыкового сознания, отраженного в произведениях беллетристики, характерна не только стереотипность, но и способность критически осмысливать устойчивые мифологемы, в этом проявляется амбивалентность обыденного метаязыкового сознания, колеблющегося между полюсами стереотипности и индивидуальности. Так, попытки преодоления стереотипов обнаруживаются в следующих суждениях и оценках.

- Русский мат не уникален и даже не лучше других:

Гордящийся богатством и силой русского мата просто не слышал романского. Католический — цветаст, изощрен — и жизнерадостен (М. Веллер).

- Употребление обценнизмов не облегчает общение. Из средства невероятной силы мат превращается в показатель коммуникативного бессилия в тех случаях, когда это единственное доступное говорящему речевое средство:

Матерные слова были неотъемлемой частью речи племянника, без них она утрачивала всякий смысл. Позволить ему свободно материться было невозможно, поскольку в семье росли две дочери... Но и запретить было нельзя, так как это было бы равносильно приказанию вообще ничего не говорить (В. Тучков).

Кроме того, смысловозначительные возможности мата невелики, что может приводить к коммуникативной неудаче:

— А тебе лежать, нах! — приказал он Хрущу. Хрущ на секунду остолбенел, монахи, наоборот, попадали. Фома давно заметил это параболическое действие русского мата: просишь одно, получаешь другое (С. Осипов).

- Пресловутое мастерство в использовании бранной лексики встречается нечасто:

Материться, надо заметить, человек умеет редко. Неинтеллигентный — в силу бедности воображения и убогости языка, интеллигентный — в силу неуместности статуса и ситуации (М. Веллер).

- Несмотря на привычную грубость современного речевого обихода, все-таки бранная лексика оскорбительна, а терпимое к ней отношение — отсутствие самоуважения:

Он втискивается в лифт, и в который раз матерное слово, нацарапанное большими, как Ш и Б на таблице окулиста, буквами выпрыгивает перед ним. И не увернуться, оно написано на уровне лица, плюет жильцам в самые очи, это непотребное слово, вдолбленное на дюймовую глубину. Скоты, думает он, три месяца смотрят и хоть бы кто замазал. Никто себя не уважает, а впрочем, и не за что (И. Полянская).

- Употребление бранных слов далеко не всегда создает ощущение той стилистической лихости, к которой стремится говорящий:

...У большинства Шуриных приятелей и приятельниц по университету, по редакции, по Союзу журналистов мат звучит и выглядит в их речи достаточно элепо. Ну, например, как если бы женщина к вечернему платью, пахнущему дорогими французскими духами, напялила бы вонючие солдатские кирзовые сапоги! (В. Кунин).

• Носителя языка считают сквернословие проявлением интеллектуальной ущербности:

Был он темен и непрогляден. Казалось, что с тех пор, как ему удалось самостоятельно выцарапать на заборе свое первое бранное слово, он окончательно уверовал в то, что превзошел все науки, и от дальнейшего расширения горизонтов решительно уклонился (Б. Левин).

• Бранные конструкции некрасивы, маловыразительны:

...Бесконечно ждут, ждут, ждут троллейбус, после чего медленно, со вздохами и тусклым матом втискиваются в его трескающиеся от тесноты двери (В. Маканин); На любые просьбы всегда отвечала полусмазанным, нечетким матом (Л. Петрушевская).

• Активизация обсценизмов на самом деле свидетельствует не о «расцвете» данного пласта лексики, а о его упадке. Снятие запретов способствует не свободе слова, а истощению экспрессивных ресурсов языка:

Экспрессия! Потому и существует языковое табу, что требуются сильные, запрдельные, невозможные выражения для соответствующих чувств при соответствующих случаях. Нарушение табу — уже акт экспрессии, взлом, отражение сильных чувств, не вмещающихся в обычные рамки. Нечто экстраординарное. Снятие табу имеет следствием исчезновение сильных выражений. Слова те же, а экспрессия ушла. ...Смысл сужается. Незапертый порох сторает свободно, не может произвести удар выстрела. На пляже все голые — ты сними юбку в филармонии. Условность табу — важнейший элемент условности языка вообще. ...С уничтожением фигуры умолчания в языке становится на одну фигуру меньше — а больше всего на несколько слов, которые стремительно сравниваются по сфере применения и выразительностью с прочими. Нет запрета — нет запретных слов — нет кошунства, стресса, оскорбления, эпатажа, экспрессии, кайфа и прочее — а есть очередной этап развития лингвистической энтропии, понижения энергетической напряженности, эмоциональной заряженности, падения разности потенциалов языка (М. Веллер).

Противоположные оценки сквернословия не всегда противоречат друг другу. Во-первых, многие комментаторы последовательно проводят мысль о том, что материться нужно не «вообще», а «к месту» и «с уменьем». А во-вторых, здесь проявляется характерный для русского коммуникативного сознания значительный разрыв между «рефлексивным» и «бытийным» уровнями отношения к языку [см.: Стернин, 311–312], при котором «рецептивно брань осуждается, бытийно — допускается и даже объясняется необходимость брани» [Там же, 317]. В целом, оценки допустимости/недопустимости нецензурных выражений в конкретных ситуациях распределяются по условной шкале «уместности», на противоположных краях которой находятся антиподы, один из которых

(1) в определенных условиях может материться, а другой (2) ни в коем случае не может: (1) мужчина и (2) женщина, (1) малообразованный персонаж и (2) «культурный», (1) субъект в условиях крайнего дискомфорта и (2) благополучный человек. Ср.:

...Когда работяга, корячась, да ручником, да вместо зубила тяпнет по пальцу — все, что он при этом скажет, будет святой истиной, вырвавшейся из глубины души. Кель ситуасьон! Когда же московская поэтесса, да в фирменном прикиде и макияже, да в салонной беседе, воображая светскую раскованность, женственным тоном да поливает — хочется послать ее мыть с мылом рот, хотя по семантической ассоциации возникает почти физическое ощущение грязности ее как раз в противоположных местах (*М. Веллер*).

Мифологемы о мате обладают эстетическим потенциалом, который реализуется в художественных текстах.

Достаточно регулярны в текстах метафоры и метафорические эпитеты, при помощи которых поддерживается мифологема интенсивности и замысловатости брани. Мат выступает как материальная субстанция, обладающая плотностью, упругостью, весом, температурой, органолептическими свойствами:

...Все покрывала густая — не продыхнешь — матерная ругань и такой же густой, непереносный водочный дух... (*А. Серафимович*); ...матерные слова запрыгали в комнате, как град по подоконнику (*М. Булгаков*); Я сидел, крыл Архипова и Жарикова тяжелым матом. Чуть полегче крыл Митрофанова и Венгеровского, еще легче Курского и Бузова... (*Э. Лимонов*); ...Целуются долго и смачно, сдабривая поцелуй теплым матерным словом (*А. Мариенгоф*); ...Тысяч пять матросов, ругающихся самыми солеными матерными ругательствами (*А. Серафимович*); Адмирал вскоре появляется и, напившись, начинает кричать: «Таллин — исконно русский город» и «Не отдадим наш флот чухонцам», сопровождая эти высказывания сочным отечественным матом (*Н. Богословский*).

С «материальным» матом можно совершать физические действия:

...Одна из самых голосистых артисток швырнула Нике в лицо бордово-красный наряд, ...а Ника столь же ловко отпугнула его обратно, подбив его артистическим матом для весу, как подшивали прежде грузики в подола легких платьев (*Л. Улицкая*); ...Он не выпускал как попало, а любовно выпекал мат, подлаживая, подмасливая его, сдабривая его лаской ли, злостью (*В. Распутин*); Паша... возился с мотором. Что за мотор без мата? Когда Боб имел свой автобус, тот абсолютно всегда весь, от носа до хвоста, от руля впереди до мотора сзади, через ломаные-переломанные сиденья был, как гирляндами, увешан матюками (*В. Попов*).

Действуя как материальное тело, брань приводит к вполне материальным последствиям: «Деваха вдруг резко повернулась и выдала матерную трель — с ближайших елок печально осыпался снег» (*П. Алешковский*).

Обычны метафоры, которые описывают мат как орудие или приспособление: «Он засадил в нее, как сапогом, длинной матерной фразой... и пошел досыпать в кабинет (Л. Улицкая).

Метафора мата как орудия труда может служить в произведении сюжетным стержнем. Так, в рассказе П. Романова с красноречивым названием «Технические слова» интрига разворачивается вокруг запрещения мата на производстве: падает исполнительская дисциплина, рабочие не понимают друг друга, становится невозможным передавать опыт молодежи, и только отмена запрета спасает производственный процесс. В рассказе Г. Горина «Случай на фабрике № 6» метафора мата как орудия труда получает новое развитие. Орудие требует умелого использования и, следовательно, обучения. Не умеющий ругаться технолог Ларичев находит репетитора и прилежно осваивает правила использования бранных выражений.

Кроме метафоры, в художественных текстах используются приемы, актуализирующие план выражения бранных слов. В первую очередь, обыгрывается межъязыковая омонимия русских обценных выражений и иностранных «приличных» слов:

Уер (слышится как *ён*) — разговорное *да*. Не требует за собой никаких дополнений и, в частности, уточнения, чью именно родительницу. *Blue* (слышится *блю*) — имя прилагательное, означающее голубой, а не винительный падеж имени существительного *бля*. *Moody* (муди) — унылый, угрюмый, легко поддающийся переменам настроения. Не имеет никакого отношения к гениталиям, как многие ошибочно думают. *Who* (ху) — не укороченный детородный орган, а вопросительное местоимение *кто* (Б. Левин).

В контекстах, посвященных бранным выражениям, часто используются различные приемы языковой игры. К ним можно отнести: 1) создание неологизмов, вызывающих запланированные ассоциации с обценными единицами (ср. упоминание в романе Хольма ван Зайчика «Дело о полку Игоре» таинственного зверя *пицзеци*, который предвещает конец мира); 2) образование незуальных эвфемизмов для бранных выражений: «Звали его в Скудилище больше по прозвищу Бодена-дочь, потому что так начинал Федулка всякую речь, чтобы не грешить матерным словом, которое, как известно, никогда у мужиков с языка не слезает...» (С. Клычков); 3) создание аббревиатур, омонимичных или паронимичных обценизмам (эвфемизмам обценных выражений): «...Оба... исповедовали Единственно Правильное Научное Мировоззрение, которое наш Адмирал обозначал аббревиатурой ЕПНМ, а произносил как японское слово Епэнэмэ» (В. Войнович). Все перечисленные приемы, на наш взгляд, связаны с мифом о мате, поскольку поддерживают мифологему о всеобщей известности, узнаваемости мата и приоритете именно обценных ассоциаций.

Таким образом, миф о русском мате складывается из отдельных мифологем, вербально сформулированных или присутствующих в виде импликаций в текстах. Стереотипы, отраженные в фольклорных текстах, отличаются высокой степенью стандартности и воспроизводимости. В них реализованы наиболее

устойчивые мифологемы, прошедшие «отбор» языкового коллектива. В художественных текстах представлен более широкий спектр представлений о мате и более разнообразные способы их выражения; наряду с мифологемами обнаруживаются и рефлексивы, стремящиеся преодолеть стереотип.

Общий пафос рассматриваемого мифа заключается в положительной в целом оценке явления, в утверждении его богатых коммуникативных возможностей и уникальности. Этот миф характеризуется достаточной устойчивостью, о чем свидетельствует повторяемость мотивов в художественных произведениях за достаточно большой период.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.

НКРЯ [Примеры по тексту] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 11.09.2010).

Рут М. Э. Мат в легендах нашего времени // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 34. [Сер. 1]. Пробл. образования, науки и культуры. Вып. 17. С. 149–156.

Стернин И. А. Русское коммуникативное сознание // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. М., 2002. С. 296–320.

Статья поступила в редакцию 19.02.2010 г.